

Социальные практики тюремной повседневности в первые годы советской власти

Наталия М. Великая

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия,
natalivelikaya@gmail.com*

Анна А. Голосеева

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия,
goloseyeva@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются основные повседневные практики женщин – политических заключенных советских тюрем первых лет советской власти, отраженные в воспоминаниях эсерки, журналистки и писательницы Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой (1886–1964), второй жены В.М. Чернова, находившейся в заключении с 1920 по 1921 г. Данные воспоминания являются не только интереснейшим историческим, но и социологическим источником, позволяющим выявить ряд аспектов тюремной повседневности и доминирующие повседневные практики, позволявшие женщинам адаптироваться к экстремальным условиям тюремного заключения.

Ключевые слова: О.Е. Чернова-Колбасина, женщины-заключенные, тюрьмы ВЧК, тюремные практики, повседневные практики, эсеры, партия социалистов-революционеров

Для цитирования: Великая Н.М., Голосеева А.А. Социальные практики тюремной повседневности в первые годы советской власти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 181–192. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-181-192

Social practices of prison daily life in the early years of Soviet power

Natalia M. Velikaya

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com*

Anna A. Goloseyeva

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, goloseyeva@gmail.com*

Abstract. The article considers the main daily practices of women political prisoners of Soviet prisons in the early years of Soviet power, reflected in the memoirs of the Socialist-Revolutionary, journalist and writer Olga Eliseevna Kolbasina-Chernova (1886–1964), the second wife of V.M. Chernov. She was imprisoned from 1920 to 1921. Her memoirs are not only an interesting historical, but also a sociological source identifying a number of aspects of prison daily life and the dominant daily practices that allowed women to adapt to the extreme conditions of imprisonment.

Keywords: O.E. Kolbasina-Chernova, women prisoners, All-Union Cheka prisons, prison practices, everyday practices, Social Revolutionaries, the Socialist Revolutionary Party

For citation: Velikaya, N.M. and Goloseyeva, A.A. (2024), “Social practices of prison daily life in the early years of Soviet power”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 181–192, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-181-192

Введение

Удержание власти большевиками после октября 1917 г. было возможно при условии жестких и безжалостных действий в отношении политических оппонентов. Уже 7 (20) декабря 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией, использовавшая целый ряд репрессивных мер (от расстрелов до взятия семей в заложники). После Октябрьского переворота и вплоть до окончания Гражданской войны различным видам репрессий подверглось порядка 2 млн человек, прежде всего представителей бывших правящих классов и интеллектуальной элиты страны [Zemkova, Roginsky 2017]. Следует отметить, что политические репрессии практически сразу стали применяться не только к «классово чуж-

дым» элементам, но и к недавним соратникам по революционной борьбе – представителям партий и движений демократического социализма (эсерам, народным социалистам, меньшевикам).

Была сформирована и новая пенитенциарная система. По отзывам деятелей революционного движения, имевших опыт отбывания заключения по политическим статьям, царские тюрьмы не шли ни в какое сравнение с жуткими условиями и жестокостью обращения с заключенными в новых большевистских застенках¹.

В данной статье мы обращаемся к воспоминаниям Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой (1886–1964)², второй жены В.М. Чернова³, эсерки, журналистки и писательницы, о пребывании в тюрьмах ВЧК в 1920–1921 гг. Подчеркнем, что воспоминания О. Колбасиной были написаны практически сразу после выхода из тюрьмы, когда память еще хранила мельчайшие подробности, лица и голоса людей, с которыми ей пришлось там встретиться, что позволяет говорить о высокой достоверности этого документа.

Воспоминания бывших заключенных являются не только важнейшими историческими документами, представляющими яркую картину трагической реальности той эпохи, но и социологическими источниками, позволяющими выявить основные социальные практики выживания и адаптации в условиях депривации.

Цель данной статьи – выявить доминирующие социальные практики женщин-заключенных в пенитенциарных учреждениях первых лет советской власти, отраженных в воспоминаниях О.Е. Колбасиной-Черновой.

Обзор литературы

В целом проблематизация женской социальной памяти, зафиксированная в автобиографическом дискурсе, представлена в отечественной науке достаточно полно [Иванова 2003; Пушкарева 2019]. Изучение собственно нарративов в исторических и социоло-

¹ Вишняк М.В. Дань прошлому. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 133–134.

² Чернова-Колбасина О.Е. Воспоминания о советских тюрьмах. [Париж:] Парижская группа содействия партии социалистов-революционеров, [1922]. 35 с.; *Tchernoff O.* New Horizons. Reminiscences of the Russian Revolution. L., 1936. 287 p.

³ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – один из лидеров партии социалистов-революционеров, председатель Всероссийского учредительного собрания.

гических исследованиях ведется в рамках традиций, заложенных Х. Арендт, которая описывала раскрытие уникальности личной идентичности перед окружающими с помощью слов и поступков как некое политическое пространство для идентичности, подтверждающая ее демонстративный, относительный и контекстуальный характер [Arendt 1998, p. 177–180].

Идеи Х. Арендт получили развитие в работах А. Кавареро, которая философски концептуализирует понятие нарративного «я», обращая внимание на разные дискурсивные стратегии рассказчиков [Cavarego 2000, p. 170]. Несомненно, биографические источники, и особенно автобиографии представляют собой особый тип знания, который обладает собственными критериями достоверности и аргументации [Валевский 1993, с. 46–48], что необходимо учитывать при интерпретации эго-документа.

Повседневность тюрем в СССР в том или ином объеме освещалась историками и этнографами [Лоевская 2018; Морозов 2005, с. 447–604, Петрова 2013; Холмова, Широкова 2021]. Е.М. Горецкая с успехом применяла количественный анализ при изучении воспоминаний женщин-заклученных [Горецкая 2023].

Информацию о самой О.Е. Колбасиной можно найти в воспоминаниях членов ее большой литературной семьи⁴, а также в работах, посвященных деятельности В.М. Чернова и партии социалистов-революционеров [Аврус и др. 2015; Иммонен 2015].

Тюремная повседневность в воспоминаниях О.Е. Колбасиной-Черновой

Биографию О. Колбасиной, используя выражение Дж. Леви, мы можем рассматривать как «модальную» [Леви 1996, с. 192–193, 198], поскольку ее жизненный путь был типичным для женщины, которая пришла в революционное движение в конце XIX – начале XX в. Получив образование на Высших Бестужевских курсах, она рано включилась в революционную деятельность, помогая сначала братьям, затем мужу. После большевистского переворота жила в эмиграции и только незадолго до смерти в 1964 г. вернулась в Советский Союз.

⁴ Чернова-Андреева О.В. Холодная весна. Годы изгнаний: 1917–1921. М.: АСТ, 2022. 362 с.; Андреева-Карлайл О.В. Остров на всю жизнь: Воспоминания детства. Олерон во время оккупации. М.: АСТ, 2021. 281 с.; Дувакин В.Д. Беседы с Ариадной и Владимиром Сосинскими. М.: Common place: Устная история, 2020. 320 с.

В начале 1920 г. чекисты безуспешно пытались арестовать В.М. Чернова, но схватили только его жену с тремя несовершеннолетними дочерьми (младшей Ариадне на момент ареста было всего 11 лет). Все они были отправлены в тюрьму ВЧК. Девочек довольно быстро отпустили, а сама О. Колбасина провела в заключении 15 месяцев.

В 1922 г. в Париже вышла брошюра Ольги Елисеевны «Воспоминания о советских тюрьмах», в которой рассказывалось о месяцах, проведенных в чекистских застенках. Описанный ею опыт – это не только живое свидетельство об условиях содержания заключенных, перенесенных голоде и лишениях, иезуитски-беспощадных методах, используемых большевиками против своих политических противников и всех инакомыслящих, но еще и тонкие наблюдения о реакции людей на заключение, работе провокаторов, поведении рядовых тюремщиков и представителей большевистского начальства.

Уже в начале 20-х гг. различные репрессивные практики стали неотъемлемой частью тюремного содержания: избиения, угрозы, пытки голодом, лишение возможности удовлетворения элементарных физиологических потребностей: сна, гигиены, нахождения на воздухе.

«Произвол и голод. Этими двумя словами можно характеризовать советский тюремный режим»⁵ – такими словами она начинает свою брошюру. Произвол подразумевал полную зависимость не только от следователя, но и от любого сотрудника тюрьмы: надзирателя, начальника конвоя или провокатора, жалобы которых было достаточно для сурового наказания заключенного. Например, сама Ольга Елисеевна после отказа от общения с явной провокаторшей «подверглась грубому ночному обыску, с издевательствами... и переводу в сырой карцер на 2 недели»⁶.

Угнетали физические унижения и отсутствие элементарных гигиенических норм, которые женщины переносили тяжелее, чем мужчины. Особенно травматичной в этом смысле была внутренняя тюрьма ВЧК: обыски с полным раздеванием и осматриванием тела⁷, специально проделанные отверстия для наблюдения в дверях и стенах туалета, запрет на попытки отвернуться или закрыться за спинами сокамерниц при переодевании, возможность помыться не чаще одного раза в пять недель и т. п.

В некоторых тюрьмах режим был более мягкий, а в других максимально ужесточался. Например, в Бутырской тюрьме

⁵ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 10.

инструкция, розданная заключенным, гласила, что запрещалось подходить к окну, переговариваться, перестукиваться, разговаривать в коридоре во время хождения в уборную и т. д. За нарушение инструкции конвойные имели право открыть огонь и действительно стреляли по окнам⁸.

Во внутренней тюрьме ВЧК правила, которые развешивались на дверях камеры за подписью Генриха Ягоды, запрещали громко разговаривать, смеяться, ходить по камере, подходить к окну или «глазку» двери; запрещались прогулки, свидания, книги...

Еще одним способом подавления воли были частые переводы в разные тюрьмы без предупреждения – заключенный испытывает вечное напряжение, невозможность расслабиться, страх перед неизвестным⁹. Сама Колбасина за 15 месяцев два раза сидела в тюрьме ВЧК (Лубянка, 11), два раза – во внутренней тюрьме ВЧК (Лубянка, 2), два раза – в Бутырской тюрьме, переводилась в Ярославскую тюрьму и в Новинскую женскую тюрьму в Москве.

Страх и постоянное ожидание новых репрессий вплоть до расстрелов ежечасно сопровождали заключенных.

Когда на воле происходили какие-нибудь события – покушения, настоящее или провокационное, восстания, угроза новой войны, наступление на каком-нибудь фронте, – над тюрьмами сгущались тучи¹⁰.

Правовые и процессуальные процедуры действительно отсутствовали – большинство заключенных сидели без приговора, бессрочно, пока по счастливой случайности не выпустят или не расстреляют.

Пытка голодом также была очень тяжелой. Тюремный обед в основном составлял жидкий суп из гнилой мороженой капусты, сваренный из ржавых селедочных голов, и примерно 125 грамм хлеба «величиной с косточку домино...», вспоминала дочь О. Колбасиной Ольга Викторовна¹¹. Долго продержаться на таком пайке было невозможно – голод становился постоянным и основным чувством, которое испытывали заключенные.

К 2-м, 3-м часам хотелось есть до тошноты, до головокружения... Иногда казалось, что голод доведет нас до помешательства, хотелось стены грызть, кричать и стонать от спазм в желудке¹².

⁸ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 14.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Чернова-Андреева О.В. Указ. соч. С. 214.

¹² Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 12.

Иногда предлагаемый паек есть было просто невозможно. Один раз им дали тот же капустный суп, но с кониной, где «в миске плавали куски челюсти с длинными лошадиными зубами»¹³.

О. Колбасина пишет и о частых болезнях заключенных – распространены были туберкулез, воспаление легких и цинга. В зимнее время особенно сказывалась нехватка одежды, белья, теплой обуви – практически все носили какие-то самодельные тапки из парусины на деревянной подошве. Красный Крест иногда передавал валенки, но очень мало – средств у этой организации было немного, а нуждающихся – тысячи.

Социальные практики выживания в условиях депривации

Единственной возможностью справиться с лишениями и выжить были солидарные действия и самоорганизация заключенных.

В тех тюрьмах, где возможно сообщение между собой... заключенные группируются в «коммуны», в которых все получаемые с воли передачи делятся на всех... Добавочной пищи, конечно, получается мало, т. к. очень многие передач не получают¹⁴.

В Бутырской тюрьме, где социалистам позволено было какое-то время контролировать распределение еды на кухне, прекратилось воровство и качество еды улучшилось. Когда Ольгу Елисеевну перевели в Бутырки, паек – густая похлебка из чечевицы – показался ей царской трапезой.

Заметим, что многие политические заключенные, уже ранее побывавшие в тюрьмах в царское время, были больше подготовлены к лишениям и физически, и с точки зрения организации быта, так как эти практики тиражировались. Хотя некоторые, даже революционеры с большим опытом каторги и тюрьмы, были не в состоянии вынести кошмара новой советской тюрьмы. Яркий пример – самоубийство в тюрьме эсера Сергея Морозова в декабре 1923 г., оставившего подробное предсмертное письмо, где рассказывалось о том, что его поступок – продуманное решение, обусловленное пониманием невозможности дальше терпеть физическую боль [Морозов 2005, с. 550].

В Ярославской тюрьме «экономическим старостой» был известный эсер, член ЦК ПСР М.А. Веденяпин. Под его руководством происходило распределение индивидуальных посылок.

¹³ Чернова-Андреева О.В. Указ. соч. С. 214.

¹⁴ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 10.

Дверь торжественно открылась и в камеру вошел... староста с огромной доской, на которой были разложены правильными кучками: по кусочку селедки, ломтику белого хлеба, несколько изюминок, кусочку пирога (величиною с наперсток), $\frac{1}{8}$ яблока, $\frac{1}{2}$ конфетки. Оживлению и радости по поводу этого сюрприза не было конца. Время от времени М.А. Веденяпин устраивал такие сюрпризы нам всем или только женщинам, если чего-нибудь было слишком мало для всех, хотя женщины горячо протестовали против таких привилегий¹⁵.

Одной из форм сопротивления были голодовки заключенных, если несколько дней подряд давали испорченную еду, есть которую было опасно. Общие голодовки часто имели эффект, и протухшую еду заменяли.

Еще одной стратегией выживания была концентрация на чтении, когда это было возможным, лекции для сокамерников, дискуссии. В начале тюремного заключения семье О.Е. Колбасиной повезло: так как перед арестом их фактически сняли с поезда, им вернули их чемоданы с вещами. В вещах были и книги, за чтением которых они проводили следующие дни. Все книги они расставили на нарах, так как даже их вид радовал и скрашивал тюремный быт.

Пушкина у нас не было, но мы все знали очень много наизусть. И вечером, когда уставали глаза, мы вспоминали его вслух, как и Тютчева и Блока. У Ади была необыкновенная память, и она вспомнила много поэм Алексея Толстого: «Василий Шибанов», «Садко», «Князь Ростислав», но больше всего ей нравился «Боривой»¹⁶.

Более того, был и их индивидуальный семейный способ держаться: лишения обыгрывали и превращали в литературную аллюзию.

Мы легли спать на голые нары; ничем не покрытые, мы теснее прижались друг к другу, стараясь согреться. Мы вспомнили семью Меньшикова в Березовом на картине Сурикова¹⁷.

Даже ненавистный суп из несъедобной капусты приобретал поэтические черты: «вспоминались стишки про барина из “Записок из мертвого дома”: “Нальют капусту мне с водою – и ем, так за ушами трещит”»¹⁸.

¹⁵ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 19.

¹⁶ Чернова-Андреева О.В. Указ. соч. С. 217.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 221.

Заключение

Ольга Елисеевна Колбасина была одной из первых, кто опубликовал воспоминания о советских тюрьмах, что позволяет рассматривать их как важнейший исторический источник, который показывает, что многие радикальные способы устрашения и издевательства над заключенными начали применять уже в первые годы функционирования советской пенитенциарной системы.

Помимо этого, воспоминания Ольги Елисеевны раскрывают личность автора как представителя определенной социально-политической группы русских леводемократических интеллектуалов, активно участвовавших в судьбоносных для России событиях первой половины XX в.

Социальные практики, отраженные в воспоминаниях О.Е. Колбасиной, условно можно разделить на две группы: типичные для заключенных того времени (и мужчин, и женщин) и собственно «женские» практики.

Первая группа включает в себя практики «нормализации» жизни в экстремальных условиях, налаживания социально-бытовой стороны жизни в заключении, практики солидаризации с другими заключенными и практики сопротивления тюремному режиму.

Вторая группа – специфические женские практики в условиях депривации. К ним можно отнести формирование психологического комфорта, пусть и относительного, путем внесения в тюремный быт элементов, напоминающих о доме, вербальной романтизации и поэтизации страдания, воспроизводства нарратива о людях, друзьях и родственниках на свободе, которые включены в их судьбу и готовы помогать по мере сил (передают письма и передачи, хлопочут об их судьбе). Создаваемая особая психологическая атмосфера была частью самосохранительного поведения у женщин-заключенных, позволяющего преодолеть как сепарацию с детьми, переживаемую женщинами особенно остро, так и отсутствие минимальных гигиенических стандартов, востребованных женщинами.

Изучение воспоминаний О. Колбасиной открывают возможность лучше понять особенности женского способа адаптации к экстремальным условиям и переработки травмирующего опыта в «энергию жизни», чтобы сохранить себя, свое человеческое достоинство и поделиться этой энергией с потомками.

Литература

- Аврус и др. 2015 – *Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П.* Виктор Чернов: жизнь русского социалиста. М.: Ключ-С, 2015. 368 с.
- Валевский 1993 – *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. 110 с.
- Горецкая 2023 – *Горецкая Е.М.* Память о ГУЛАГе в воспоминаниях заключенных: гендерный и хронологический аспекты контент-анализа // Ист. журн.: науч. исслед. 2023. № 3. С. 1–18.
- Иванова 2003 – *Иванова Е.Ф.* Память об исторических событиях (на материале Холокоста): гендерный аспект // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 217–234.
- Иммонен 2015 – *Иммонен Х.* Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб., 2015. 486 с.
- Леви 1996 – *Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 191–207.
- Лоевская 2018 – *Лоевская М.М.* Зарубежные воспоминания русских заключенных 20-х годов XX века // Stephanos. 2018. № 6 (32). С. 89–97. DOI: 10.24249/2309-9917-2018-32-6-89-97.
- Морозов 2005 – *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.
- Петрова 2013 – *Петрова Н.С.* Неподцензурный советский фольклор в воспоминаниях заключенных Сиблага (1930–1940 гг.) // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2013. № 2-2. С. 52–63.
- Пушкарева 2019 – *Пушкарева Н.Л.* Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.
- Холмова, Широкова 2021 – *Холмова О.Я., Широкова А.А.* Лагерная жизнь и быт заключенных ГУЛАГА (по материалам воспоминаний узников лагерей) // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 53–57.
- Arendt 1998 – *Arendt H.* The Human Condition. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1998. 349 p.
- Cavarero 2000 – *Cavarero A.* Relating Narratives: storytelling and selfhood / Transl. Paul Kottman. L.: Routledge, 2000. 178 p.
- Zemkova, Roginsky 2017 – *Zemkova E., Roginsky A.* Between empathy and indifference the rehabilitation of the victims of Soviet repression // Osteuropa. 2017. № 11–12. P. 97–123.

Referenses

- Arendt, H. (1998), *The Human Condition*, University of Chicago Press., Chicago, USA.
- Avrus, A.I., Goloseeva, A.A. and Novikov, A.P. (2015), *Viktor Chernov: zhizn' russkogo sotsialista* [Viktor Chernov. The life of a Russian Socialist], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Cavarero, A. (2000), *Relating Narratives: storytelling and selfhood*, Kottman, P. (trans.), Routledge, London, UK.
- Goretskaya, E.M. (2023), "The memory of the GULAG in the memories of prisoners. Gender and chronological aspects of content analysis", *History Studies*, no. 3, pp. 1–18.
- Immonen, Kh. (2015), *Mechty o novoi Rossii. Viktor Chernov (1873–1952)* [Dreams of a new Russia. Viktor Chernov (1873–1952)], St. Petersburg, Russia.
- Ivanova, E.F. (2003), "The memory of historical events (on the material of the Holocaust). Gender aspect", *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2003. Zhenskaya i gendernaya istoriya*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 217–234.
- Kholmova, O.Ya. and Shirokova, A.A. (2021), "Camp life and everyday life of GULAG prisoners (based on the memoirs of camp prisoners)", *Aktualnye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of science and education in the context of modern challenges. Collection of materials of VI Intern. scientific-practical conf. Moscow, 2021.], Moscow, Russia, pp. 53–57.
- Levi, J. (1996), "Biography and history", *Sovremennye metody prepodavaniya noveishei istorii* [Current methods of teaching modern history], Moscow, Russia, pp. 191–207.
- Loevskaya, M.M. (2018), "Foreign memoirs of Russian prisoners of the 20s of the 20th century", *Stephanos*, no. 6 (32), pp. 89–97.
- Morozov, K.N. (2005), *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of the Socialist-Revolutionaries and the prison confrontation (1922–1926). Ethics and tactics of confrontation], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Petrova, N.S. (2013), "Uncensored Soviet folklore in the memoirs of prisoners of the Siblag (1930–1940)", *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, no. 2-2, pp. 52–63.
- Pushkareva, N.L. (2019), "The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies", *RUDN Journal of Russian History*, vol. 18, no. 2, pp. 214–245.
- Valevsky, A.L. (1993), *Osnovaniya biografiki* [The foundations of biography], Naukova dumka, Kiev.
- Zemkova, E. and Roginsky, A. (2017), "Between empathy and indifference the rehabilitation of the victims of Soviet repression", *Osteuropa*, no. 11–12, pp. 97–123.

Информация об авторах

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; natalivelikaya@gmail.com

Анна А. Голосеева, кандидат исторических наук, доцент, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, goloseyeva@gmail.com

Information about the authors

Natalia M. Velikaya, Dr. Sci. (Polit.), professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; natalivelikaya@gmail.com

Anna A. Goloseyeva, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; goloseyeva@gmail.com